

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Культурная идентичность и диаспора

Цель: ознакомление с эссе Стюарта Холла «Культурная идентичность и диаспора», посвященному способам выражения культурной идентичности.

Ключевые слова: культурная идентичность, диаспора, присутствие, влияние, Африка, Карибский бассейн, культура, различие.

Продолжаем знакомиться с антологией Джулии Ривкин и Майкла Райана «Теория литературы», и в данной лекции речь пойдет об эссе Стюарта Холла «Культурная идентичность и диаспора».

Следует сказать несколько слов об авторе эссе. Стюарт Холл – один из выдающихся специалистов в области культурологии, он известен совместной работой с «Бирмингемской школой» по культурным исследованиям в Англии, которые изучают роль средств массовой информации в поддержании власти доминирующих экономических и социальных групп.

Культурная идентичность

Наши интерпретации, пишет Стюарт Холл, всегда связаны с тем, с какой позиции мы рассматриваем проблему и как мы ее излагаем. Кроме того, результат интерпретации зависит от нашего жизненного опыта и нашей идентичности. Понятие идентичности не является чем-то очевидным, как мы привыкли полагать. Вместо того, чтобы думать об идентичности как о уже свершившемся факте, представляющем новые культурные нормы, Стюарт Холл предлагает думать о ней как о «развитии», которое никогда не бывает завершенным, всегда находится в процессе и изменяется изнутри, а не благодаря внешним факторам. Это предположение ставит под сомнение те авторитетность и подлинность, на которые претендует уже утвердившийся термин «культурная идентичность».

Главной целью С. Холла является изучение вопроса культурной идентичности и способов ее выражения. В качестве примера, на котором он основывает свои умозаключения, избран новый объект постколониальных исследований – афро-карибские «черные» диаспоры Запада.

Существует, пишет Стюарт Холл, как минимум два подхода к изучению понятия «культурная идентичность». Первый рассматривает «культурную идентичность» в условиях одной, общей культуры, своего рода коллективного понятия «одной истины», скрывающейся внутри многих других, – это та идентичность, которую имеют люди с общей историей и происхождением в целом. Исходя из этого, наши культурные идентичности отражают общий исторический опыт и общие культурные нормы, которые определяют нас как «один народ» со своей стабильной, неизменной ценностной ориентацией, несмотря на изменения, происходящие в нашей истории. Это «единство», говорит С. Холл, является основополагающим и в определении карибской «черной» диаспоры.

Такая концепция культурной идентичности сыграла решающую роль во всех постколониальных битвах, которые столь кардинально изменили мир. Например, она лежала в основе Панафриканского политического проекта, который до сих пор является мощной организацией по защите прав маргинальных народов. Вопрос «принадлежности к черной расе» находился в центре внимания таких деятелей, как один из крупнейших африканских интеллектуалов XX века Леопольд Сенгор и знаменитый martinикский поэт Эме Сезер. Они занимались теорией негритюда – африканской культурно-философской и идейно-политической доктриной, в основе которой лежит концепция самобытности, самоценности и самодостаточности негроидной расы.

Изучение понятия идентичности в постколониальном обществе было обозначено Францем Фаноном в качестве объекта повышенного внимания и в надежде на то, что это приведет к новой эпохе, существование которой «реабилитирует нас как в отношении себя, так и в отношении других». По мнению Фанона, в недалеком прошлом колонизаторы не ограничивались порабощением людей, они пытались еще и изменить их национальные ценности, культуру, навязывая взамен свои ценности, тем самым разрушая прошлое людей, перечеркивая его как недостойное, не ценное.

Наблюдения Фанона приводят к вопросам: какова природа этого «сложного исследования» идентичности? Указывает ли это на тот факт, что колонизаторы буквально похоронили преемственность культурной идентичности, которую они обнаружили? Или же это просто один из аспектов развития и формирования идентичности, а не ее разрушения?

Не стоит недооценивать или пренебрегать важностью повторного изучения данного феномена, настаивает С. Холл, так как это может привести к новым открытиям, которые могут существенно изменить понятие идентичности. «Тайное прошлое» стало причиной появления многих из наиболее важных социальных движений нашего времени – феминистских, антиколониальных и антирасистских.

Наблюдения целого поколения ямайских и растафарианских фотографов-художников, а также Армета Франсиса, являются свидетельством созидательной силы концепции идентичности и способов ее выражения. Фотографии Франсиса народов Черного треугольника, сделанные в Африке, Карибском море, США и Великобритании, пытаются наглядно показать единство чернокожих людей. Его творчество является как бы актом их воображаемого воссоединения. Те, кто сейчас смотрит на эти изображения, не могут понять, как произошла «утрата идентичности», которая была неотъемлемой частью Карибского опыта. Работы, подобные этим фотографиям, посредством фрагментарной реконструкции событий делают попытку сохранить культурную идентичность народов.

Идентичность как процесс

В основе второго подхода к изучению понятия «культурная идентичность» лежит идея о том, что, несмотря на сходства, имеется и существенная разница, которая определяет нас «кто мы на самом деле», или, опираясь на исторический опыт, «кем мы стали». Мы не можем, отмечает Стюарт Холл, говорить с точностью о сложившейся на данный момент идентичности, не признавая ее другую сторону – изменения, составляющие «уникальность» именно карибов. В этом смысле культурная идентичность – это вопрос «становления», а также «бытия», которое относится как к будущему, так и к прошлому. Это не то, что уже раз и навсегда сложилось, без учета места, времени, истории и культуры. Культурная идентичность имеет свое происхождение, свою историю. Но, как и все историческое, она подвержена постоянной трансформации. Она участвует в постоянной «игре» истории, культуры и власти, и не является понятием, укоренившимся в прошлом. Восстановление идентичности не определяется лишь попыткой «воссоздать» прошлое; новые открытия дадут нам возможность почувствовать себя частью вечности. Таким образом, утверждает С. Холл, понятие идентичности – это именно то, как мы себя позиционируем, рассказывая о своем прошлом.

Этот второй подход позволит нам понять травмирующий характер «колониального опыта», а также то, как позиционировались чернокожие люди и какими способами они подвергались подчинению со стороны доминирующего режима, и что стало в результате осуществления культурного господства и стремления к их «нормализации».

Ссылаясь на книгу Эдварда Саида «Ориентализм», Стюарт Холл отмечает, что мы были не только определены как Другие в силу мышления Запада. Они имели возможность заставить нас видеть и ощущать себя как «Других». Одно дело, когда в доминирующем дискурсе человек или определенное сообщество людей позиционируются как «Другие», совсем иное дело – навязывание им этих «знаний» не только посредством внешнего, но и внутреннего их самоопределения, господства над ними. Иными словами, кошунство состояло не только в предвзятой, тенденциозной, аморальной оценке человека как «Другого», отличного от нормы, но и навязывание ему отчуждения от себя, своего внутреннего «я». В своей книге «Черная кожа, белые маски» Фанон раскрывает всю глубинную сущность колониального опыта и этой мрачной реальности.

Внутреннее отчуждение от собственной культурной идентичности наносит огромный вред, ломая людей. Внутреннее навязывание идеи непохожести, продолжает С. Холл, меняет наше понимание «культурной идентичности». С этой точки зрения культурная идентичность вовсе не представляет собой что-то уже сложившееся, оставшееся неизменным, вне истории и культуры.

Она не имеет отправной точки, к которой мы можем вернуться. Конечно, идентичность имеет свою историю с ее истинными, значимыми и символическими последствиями. Наше естество постоянно напоминает нам о себе, заставляя задумываться о нашем фактическом «прошлом», о нашей принадлежности к нему. Культурная идентичность является приоритетной в нашем самоопределении, но не устоявшейся в истории и культуре. Здесь важно не существование, а позиционирование. Следовательно, понятия идентичности и позиционирования существовали всегда, но это не гарантирует общности их «происхождения».

Этот подход к изучению культурной идентичности, допускает С. Холл, кажется непривычным и менее знакомым. Далее он формулирует заслуживающий внимания вопрос: если идентичность развивается не по прямой, непрерывной линии от некоего фиксированного начала, то как мы можем понять процесс и природу ее формирования? С. Холл предлагает свой метод и излагает его на примере карибов.

Восстановление разрушенной идентичности

Рассматривать идентичность чернокожих карибов можно, следуя двум направлениям или векторам, действующим одновременно: это вектор сходства и непрерывности и вектор различия и разрушения. Идентичность карибов должна рассматриваться именно в условиях функционирования этих направлений. Первое представляет фундаментальные основы, неразрывную связь с прошлым. Второе напоминает о нарушении преемственности: рабство, транспортация, колонизация, миграция. В истории современного мира есть еще несколько переломных моментов, соответствующих насильственному отделению от Африки – это то, что уже сформировалось в европейском воображении как «Темный континент». Важно отметить, что рабы происходили из разных стран, племенных общин, деревень, культур и вероисповеданий. Парадокс заключается в том, что именно в период искоренения рабства и включения в экономику плантаций произошло «объединение» этих народов вопреки их различиям, и это произошло в тот период, когда они оказались отрезанными от прямого доступа к их прошлому.

Таким образом, сегодня можно наблюдать различия наряду с целостностью. Вернуться на Карибские острова после длительного отсутствия, отмечает С. Холл, – это как заново испытать шок от «двойственности» подобных различий и сходств. Впервые посетив французский Карибский бассейн, он сразу же увидел различия между Мартиникой, к примеру, и Ямайкой. И это не просто разница топографии или климата. Это глубокое различие культуры и истории. Более того, постоянно изменяются границы тех критериев, по которым и определяются эти различия. С. Холл пишет: «По сравнению с развитым Западом, мы слишком «одинаковые». Мы принадлежим к маргиналам, слаборазвитой периферии, которую они определяют как «Другое». Мы находимся за пределами границы, на краю метрополии – на «юге» какого-то другого Эль Норта. И эти «различия», нравятся нам это или нет, уже включены в нашу культурную идентичность. В свою очередь, именно преодоление идентичности делает нас, карибов, и других островитян очень похожими по отношению друг к другу (ямайцы, гаитянце, кубинцы, гваделупцы, барбадосцы и др.), но разными по сравнению с другими латиноамериканцами».

«Как же тогда описать эту игру «различия» в идентичности?», – задается вопросом С. Холл. Для этого искаженного, неорганичного объединения карибов, а также других островитян, вопреки их различиям, кардинальную роль сыграла их общая история – рабство и колонизация. Однако это не является показателем их общего происхождения. Необходимо уделить особое внимание понятию непохожести. Автор эссе намеренно использовал слово «игра», желая указать на двойной смысл метафоры. С одной стороны, это предполагает постоянную нестабильность, беспокойность и отсутствие какого-либо итогового решения. С другой стороны, игра этой «двойственности» слышится в некоторых карибских музыкальных произведениях. Таким образом, эта культурная игра не может быть представлена кинематографически, как простая бинарная оппозиция – «прошлое/настоящее», «они/мы». В разных местах, в разное время, по отношению к разным вопросам эти границы устанавливаются заново. Взаимно исключая друг друга, они представляют собой не только то, что им было свойственно ранее, но и то, что имеет место сейчас – отличительные параметры.

Концепт «различия» дает возможность переосмыслить ориентацию и изменение культурной идентичности карибов в отношении как минимум трех «обществ»: африканское присутствие, европейское присутствие и третье, самое неоднозначное, американское присутствие.

С. Холл оговаривается, что он отчасти разрушает многие другие культурные сообщества, которые составляют сложную карибскую идентичность (индийская, китайская, ливанская и др.). Он рассматривает Америку не как некий «первый мир» – могущественную родственницу на Севере, на «краю» которого мы проживаем, а в более широком смысле: Америка как «Новый мир», Терра Инкогнита.

Африканское присутствие

Африканское присутствие, продолжает С. Холл, выражается репрессированными. Отчаянно пытаюсь забыть опыт рабской жизни, Африка на самом деле существовала повсюду: в повседневной жизни и обычаях рабовладельческих кругов, в языках, на плантациях, в именах и словах, часто не связанных с их описанием, в синтаксических структурах, посредством которых функционировали другие языки, в рассказах и сказках, которые рассказывали детям, в религиозных практиках и убеждениях, в духовной жизни, искусстве, ремеслах, музыке и музыкальных инструментах. Рабство, в условиях которого долгое время жила Африка, безоговорочно осталось невыразимым «присутствием» в карибской культуре. Это «скрыто» в любом слове, манере разговора, свойственной людям карибской культуры. В этом и была вся Африка – «живая и здоровая диаспора».

С. Холл свидетельствует, что афро-карибская идентичность прочно закрепилась у подавляющего большинства ямайцев как внутри страны, так и за ее пределами, только в 1970 году. В этот период истории к ямайцам пришло осознание того, что они «черные» – дети «рабства», как пишет Стюарт Холл. Однако это «открытие» не было, да и не могло быть сделано напрямую, без «посредничества». Это было следствием постколониальной революции, борьбы за гражданские права, растафарианской культуры, музыкального жанра регги – метафор новой конструкции Ямайки. Все это означало «новую» Африку Нового мира, основанную на «старой» Африке. Духовный путь открытия это «старой» Африки привел к культурной революции коренных народов в Карибском бассейне. Это Африка, некогда поневоле «отложенная», которую определенно можно рассматривать как духовную, культурную и политическую метафору.

Именно присутствие/отсутствие Африки сыграло решающую роль в формировании новых концепций карибской идентичности. Все жители Карибского острова, независимо от этнического происхождения, должны рано или поздно принять это африканское присутствие, убежден Холл. Присутствие африканских корней можно обнаружить в их именах, в их внешнем облике, независимо от цвета кожи. Однако существуют определенные сомнения по поводу возможности говорить об этом, как об «истории происхождения» карибской идентичности, неизменной на протяжении четырех столетий перемещений и разделений. Подлинная Африка больше не существует, она претерпела множество преобразований. Но история остается неизменной. Мы не должны, говорит С. Холл, участвовать в заговоре Запада, который устанавливает свои порядки и присваивает Африку, оставляя ее в бессрочной зоне первобытного неизменного прошлого. Африка для карибов, пишет С. Холл, это то, что Эдвард Саид назвал «воображаемой географией и историей», которая помогает «мышлению углубить, обострить собственное самосознание», подчеркивая разрыв между тем, что им близко и что далеко от них. Мы, считает С. Холл, не можем вернуться домой в такую Африку, которая существует по большей части только в фантазии карибов. Мы должны, продолжает он, увидеть Африку в «Новом мире», с новыми изменениями через призму политики, памяти и наших потребностей.

Европейское присутствие

Далее С. Холл переходит к не менее тревожному, как он выражается, слагаемому в уравнении идентичности, а именно европейскому присутствию. Если Африка была примером

невывысканности, то Европа, наоборот, отличалась бесконечным высказыванием своего. Европейское присутствие прерывает дискурс «различия» в Карибском бассейне, вводя вопрос о власти. «Европа» принадлежит власти, силе и ее безоговорочно можно считать доминирующей в карибской культуре.

Европейское присутствие – это неравноправие, навязывание и лишение права собственности карибской культуры. Появляется искушение, пишет С. Холл, обнаружить это несвойственное нам и извне навязанное нам влияние и сбросить его, подобно змее, сбрасывающей кожу. В своей работе «Черная кожа, белые маски» Франц Фанон как раз напоминает о том, что это влияние также есть составной элемент нашей идентичности.

Разговоры о власти и сопротивлении, отказе и признании, принятии или непринятии европейского общества, такие же сложные, как «разговоры» об Африке. Национальная культура уже не может быть найдена в ее непорочном, первозданном состоянии, она сливается с другими элементами культуры.

Стюарт Холл задает непростой вопрос: «Сможем ли мы когда-либо признать необратимое влияние европейского присутствия в нашей идентичности, сопротивляясь подчинению имперского господства?». Эта головоломка не решена по сей день. Она нуждается в сложнейших культурных стратегиях.

Американское присутствие

Третье присутствие – «Нового Света» – представляет собой его землю, место, территорию. Это точка отсчета, место встречи многих культурных притоков, «пустых» земель (европейские колонизаторы опустошили их), где столкнулись незнакомцы со всех уголков земного шара. Никому из людей, занимающих остров сейчас, будь то чернокожие, мулаты, белокожие, африканцы, европейцы, американцы, испанцы, французы, индусы, китайцы, португальцы, евреи, голландцы, Новый Свет первоначально не «принадлежал». Эта территория для смешений, ассимиляций и синкретизмов. Новый Мир – это сцена, на которой была организована роковая встреча Запада и Африки. Он также может быть назван местом многих непрерывных перемещений первоначальных доколумбовых жителей, араваков, карибов и индейцев, которые были вынуждены покинуть территорию своей родины, а также представителей других народов, переселенных из Африки, Азии и Европы. Это место постоянного рабства и завоеваний. Карибскому населению было суждено постоянно «мигрировать». Сама по себе миграция означает путь и возвращение обратно, если так угодно судьбе, это прототип современного или постмодернистского кочевника Нового Мира, постоянно перемещающегося между центром и периферией.

Исконное американское присутствие на континенте продолжает умалчиваться и подавляться. Питр Хьюлме в своем эссе «Острова очарования» напоминает нам о том, что «Ямайка» – это латиноамериканская форма коренного названия аравака – «земли лесов и морей», которую Колумб переименовал в Сантьяго. Сейчас о присутствии аравака помнят только благодаря музеям и археологическим раскопкам как о части едва узнаваемого «прошлого». Существует история о том, как премьер-министр Эдвард Сиага попытался изменить ямайский герб, состоящий из двух фигурок аравака, с щитом в центре, увенчанный аллигатором. Премьер-министр Сиага задался риторическим вопросом: «Могут ли поверженные и вымершие араваки представлять бесстрашный характер ямайцев? Неужели низкорослый крокодил, хладнокровная рептилия, символизирует горячий дух ямайцев?». Существует лишь небольшое количество политических заявлений, отмечает С. Холл, которые столь красноречиво свидетельствуют о сложностях, связанных с попытками представить разных людей с разной историей сквозь призму единой господствующей «идентичности».

Опыт великого переселения народов определяется не сущностью или чистотой расы, а признанием необходимого разнообразия, концепцией «идентичности», которая существует, несмотря на отличие народов. Идентичность диаспоры – это то, что постоянно меняется, воспроизводя себя заново посредством трансформации и различий. Можно однозначно

утверждать, что карибский народ – это смесь рас, пигментаций, физиогномических типов, смешение вкусовых и культурных предпочтений. Молодые чернокожие культурные практики и критики в Великобритании начинают признавать и исследовать в своих работах эту «эстетику диаспоры» и ее формирование в постколониальном опыте.

С. Холл предлагает иное отношение к прошлому и, соответственно, иной способ рассуждения по поводу культурной идентичности, и он пытается теоретически обосновать идентичность не с позиции внешнего взгляда, а изнутри рассматриваемого явления.

Стюарт Холл призывает не ограничиваться углублением в прошлое народа, чтобы найти элементы, которые позволят противодействовать попыткам колониализма фальсифицировать и исказить идентичность. Национальная культура – это не фольклор, не абстрактный популизм, претендующий на возможность раскрыть истинную природу народа. Национальная культура – это совокупность усилий народа в сфере ментальности, направленных на то, чтобы отобразить, обосновать и достойно оценить жизнедеятельность, посредством которой этот народ создал себя, сохранил и продолжает существовать.

Вопросы для закрепления темы:

1. Каковы, на взгляд Стюарта Холла, три составных элемента в культурной идентичности карибов?
2. Почему Стюарта Холл считает культурную идентичность процессом?

Литература:

1. Hall Stuart. Cultural Identity and Diaspora. – Framework. – 1989. – № 36. – P. 222-237.
2. Hall Stuart. Resistance Through Rituals. – London, 1976.
3. Fanon Frantz. Black Skin, White Masks. – London 1986.
4. Norris Christopher. Deconstruction: Theory and Practice. – London, 1982.
5. Edward Said, Orientalism. – London, 1985.
6. Anderson Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Rise of Nationalism. – London, 1982.